

Четверг Нонетот

Дело Эйр

•

Lost in a Good Book

•

The Well of Lost Plots

•

Something Rotten

•

First Among Sequels

•

One of Our Thursdays is Missing

•

The Woman Who Died a Lot

Jasper Fforde

THE EYRE AFFAIR

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

Дело Эйр

FAN|ZON

**МОСКВА
2024**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф96

Jasper Fforde
THE EYRE AFFAIR

Copyright © 2001 by Jasper Fforde

Перевод *Н. Некрасовой*
Иллюстрация на обложке *Just Irka*

Ффорде, Джаспер.

Ф96 Дело Эйр / Джаспер Ффорде ; [перевод с английского
Н. Некрасовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-190307-7

В 1985 году лондонские преступные группировки обратили свое внимание на прибыльный литературный рынок, и Четверг Нонетот выходит на след Большого Преступника.

Ахерон Аид похищает персонажей из художественных произведений и удерживает их с целью получить выкуп. Пропадают и Джейн Эйр.

Четверг отправляется на поиски, чтобы возместить ущерб и сохранить сюжет оригинального романа. Но раскрывать преступления против литературы не так-то просто, когда нужно еще найти время и для выступления против войны, и для уговоров любимого мужчины на женитьбу, и для выяснения, кто же на самом деле написал пьесы Шекспира.

Возможно, сегодня просто не Четверг. У вас есть возможность выяснить.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-190307-7

© Н. Некрасова,
перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Моему отцу Джону Стендишу Ффорде
(1921–2000)*

*Тому, кто так и не узнал,
что меня все-таки напечатали,
но был бы очень горд –
и ни капельки не удивлен*

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ЗВАЛИ ЧЕТВЕРГ НОНЕТОТ

Таким образом, Сеть тективно-интрузивных правительственных агентств (ТИПА) фактически спровоцировала переключение на себя полицейских обязанностей в случаях, которые регулярные силы охраны правопорядка посчитали для себя чересчур странными или чересчур специфическими. В общей сложности в ТИПА-Сети насчитывалось тридцать отделов, начиная с самого прозаического отдела Добрососедских разборок (ТИПА-30), продолжая отделами Литературных детективов (ТИПА-27) и Преступлений в искусстве (ТИПА-24) и кончая всеми отделами выше (вернее, ниже) уровня ТИПА-20, отделами, любая информация о которых была строго засекречена, хотя абсолютно все знали, что, например, Хроностраже присвоен № 12, а Антитерроризму — № 9. Ходили слухи, что ТИПА-1 является чем-то вроде внутренней полиции самой ТИПА-Сети. Чем занимались остальные отделы, всегда оставалось в области догадок. Но одно известно наверняка: практически все оперативные агенты Сети — в прошлом военные или полицейские и слегка не в себе. Есть даже поговорка: «Хочешь служить в ТИПА — коси под чумного типа».

МИЛЬОН ДЕ РОЗ

*Краткая история Сети тективно-интрузивных
правительственных агентств*

При одном взгляде на моего папочку часы останавливались. Я вовсе не хочу сказать, что он был страшно уродлив или что вы там такое подумали, просто именно это

выражение используют в Хроностраже, когда говорят о тех, кто умеет тормозить время до практически пренебрежимого течения. Папа был полковником Хроностражи и о службе своей помалкивал в тряпочку. И так хорошо помалкивал, что мы даже и не знали, что он свернул на кривую дорожку, пока его однополчане из Хроностражи как-то раз с утра пораньше не вломились к нам домой с приказом «схватить и устранить», датированным открытой бесконечностью от абсолютного прошлого до абсолютного будущего. Они потребовали сказать им, куда и в когда он делся. Ха!.. Папочка остается вольным стрелком до сих пор. Благодаря его последующим визитам мы узнали, что свою организацию он рассматривает как «морально и исторически безнравственную» и ведет личную войну против бюрократов из Бюро поддержания особой темпоральной стабильности. Я не понимала, что он имеет в виду, и до сих пор не понимаю, я лишь надеюсь, что он знает, что делает, и никому не собирается причинять вреда. Свое умение останавливать часы он заработал очень нелегко и уже необратимо, а в результате стал одиноким скитальцем во времени, принадлежа не единственной эпохе, а всем сразу и не имея другого дома, кроме хронокластового эфира.

Я в Хроностраже не служила. Да и не хотела никогда. По всему видно, что там не шибко весело, хотя платят хорошо, да и пенсия такая, какой нигде больше не сыщешь: билет (в один конец) в любое место и время по выбору. Нет, это не для меня. Я была оперативником 1-го класса в ТИПА-27, отделе литературных детективов ТИПА-Сети, и работала в Лондонском отделении. Это все звучит куда круче, чем выглядит на самом деле.

С 1980 года на прибыльный литературный рынок вышли крупные преступные банды, так что дел у нас было невпроворот, а денег — всего ничего. Я работала под руководством территориального куратора Босуэлла, низенького пухленького человечка, похожего на мешок муки, снабженный ручками и ножками. Он жил и дышал работой, слова были для него жизнью и любовью. Никогда он не казался более счастливым, чем напав на след фальшивого Кольриджа или поддельного Филдинга. Именно под командой Босуэлла мы накрыли банду, которая воровала и продавала первые издания Сэмюэла Джонсона. В другой раз мы раскрыли попытку пропихнуть аутентификацию бесподобно фантастической версии утраченного творения Шекспира — «Карденио». Да, это были прекрасные, но совсем крохотные островки восторга среди моря нудной рутинной ежедневной работы, на которую обречена ТИПА-27: большую часть времени мы занимались отловом нелегальных торговцев, нарушениями авторских прав и подделками.

Я проработала у Босуэлла в ТИПА-27 восемь лет, дела квартиру в Мэйда-Вейл с Пиквиком, возрожденным домашним дронтом, оставшимся у меня со времени всеобщего бума возрождения вымерших животных, когда можно было купить себе любого клонированного детеныша по каталогу. Я до зарезу — нет, просто до остервенения — хотела уйти из литтективов, но для повышения или перевода в другой отдел надо было начать делать хоть какую-то карьеру. Единственным для меня вариантом заработать полного инспектора было занять освободившуюся вакансию непосредственной начальницы в случае ее ухода из отдела на повышение или же к чертовой бабушке. Но это все никак не происхо-

дило: инспектор Тернер лелеяла надежду выйти замуж за богатенького мистера Тошонадо и оставить службу, а надежда так и оставалась надеждой, поскольку раз за разом мистер Тошонадо оказывался мистером Враки, сэром Алканафтом или мсье Вжеженат.

Как я уже сказала, папочка останавливал часы одним своим видом. Именно это и случилось неким весенним утром, когда я ела сэндвич в маленьком кафе неподалеку от работы. Мир замерцал, вздрогнул и замер. Владелец кафе застыл на полужазе, картинка на экране телевизора окаменела. В небе неподвижно летели птицы. Автомобили и трамваи встали как вкопанные, угондивший в аварию мотоциклист с выражением ужаса на лице завис в двух футах от асфальта. Звуки тоже затормозили, сменившись глухим фоновым гулом: каждый звук в мире завяз на той ноте и громкости, на какой был в момент остановки времени.

— Как поживает моя прекрасная дочь?

Я обернулась. За столом сидел мой отец. Он порывисто встал, чтобы обнять меня.

— Все в порядке, — ответила я, крепко обнимая его в ответ. — Как мой возлюбленный отец?

— Не могу пожаловаться. Время — прекрасный лекарь.

Я несколько мгновений смотрела на него в упор.

— Знаешь, — пробормотала я, — мне кажется, что каждый раз, когда мы встречаемся, ты выглядишь все моложе.

— Так оно и есть. А как насчет внучат?

— При моем-то образе жизни? И не мечтай.

Мой отец улыбнулся, подняв бровь:

— Я бы не был столь категоричен.

Он вручил мне фирменную вулвортовскую сумку.

— Я недавно был в семьдесят восьмом году, — заявил он. — Вот, привез тебе подарочек.

Битловский сингл. Названия я не опознала.

— Разве они не разбежались в семидесятом?

— Не везде. Ну, как дела?

— Как всегда. Идентификация, авторские права, кражи...

— ...все то же вечное дерьмо...

— Угу, — кивнула я. — Все то же вечное дерьмо. А тебя что сюда привело?

— Три недели вперед от тебя я приезжал проведать твою мать, — ответил он, сверяясь с хронографом на запястье. — Ну, хм, ты понимаешь почему. Через неделю она собирается перекрасить спальню в розово-лиловый цвет. Может, отговоришь? Совершенно не подходит к занавескам.

— Как она?

Он глубоко вздохнул.

— Ослепительна, как всегда. Майкрофт и Полли тоже были рады, что я их не забыл.

Это мои тетя и дядя. Я очень люблю их, хотя оба чокнутые. Особенно я скучаю по Майкрофту. Я много лет не возвращалась в родной город и виделась с семьей не так часто, как мне хотелось бы.

— Мы с матерью подумали, что неплохо бы тебе ненадолго съездить домой. Ей кажется, что ты относишься к работе чересчур серьезно.

— Слишком сильно сказано, папочка, особенно в твоём исполнении.

— Ой-ёй, какие мы недотроги. Как у тебя с историей?

— Неплохо.

— Ты знаешь, отчего умер герцог Веллингтон?

— Конечно, — ответила я. — Его застрелил французский снайпер в самом начале сражения при Ватерлоо. А что?

— Не обращай внимания, — пробормотал мой папочка с притворно-невинным выражением лица, царапая что-то в записной книжечке. Задумался на мгновение. — Стало быть, Наполеон выиграл сражение при Ватерлоо, правильно? — отдельно произнося каждое слово, спросил он.

— Да нет, конечно, — ответила я. — Фельдмаршал Блюхер вовремя вмешался и всех спас... — Я прищурилась. — Папа, это же школьный курс. Ты к чему клонишь?

— Значит, ты бы сказала, что это совпадение?

— Что именно?

— Нельсон и Веллингтон, два великих английских национальных героя, оба были застрелены в самом начале их наиболее славных и решающих сражений.

— А твоя версия?

— Тут замешаны французские ревизионисты.

— Но ведь на исход обоих сражений это не повлияло, — уперлась я. — Мы все равно выиграли оба сражения!

— Я же не говорил, что у них *все* получилось.

— Чушь собачья! — фыркнула я. — Ты, небось, думаешь, что те же самые ревизионисты прикончили в тысяча шестьдесят шестом году короля Гарольда, чтобы помочь норманнскому вторжению в Англию!

Папа не засмеялся. Он среагировал с легким удивлением:

— Гарольд? Убит? Как?

— Стрелой в глаз, папочка.

— Английской или французской?

— История об этом умалчивает, — ответила я, раздраженная странным уклоном его вопросов.

— В глаз, говоришь? Век расшатался... — пробормотал он, делая еще одну заметку.

— Что-что расшаталось? — переспросила я, не слышав.

— Да ничего. Век. И я рожден восстановить его.

— «Гамлет»? — Я наконец узнала цитату.

Он пропустил мои слова мимо ушей и резко захлопнул записную книжку, затем рассеянно потер пальцами виски. Секундой позже мир сорвался с мертвой точки. Отец нервно огляделся по сторонам.

— Это за мной. Спасибо за помощь, мой Душистый Горошек. Когда встретишься с мамой, скажи, чтобы ввинтила лампочки поярче, и не забудь отговорить ее перекрашивать спальню в розово-лиловый цвет.

— А в другой?

— Сколько угодно.

Он улыбнулся мне и погладил по лицу. Я почувствовала, что в глазах у меня появилось что-то мокрое. Эти встречи были так коротки! Он уловил мою печаль и улыбнулся той самой улыбкой, которой любой ребенок ждет от отца. Затем сказал:

— Я плыву в глубину времен, и со мной

Лишь Двенадцатый может сравниться...

Он сделал паузу, и я закончила цитату — кусочек из старой песенки Хроностражи, которую папа часто напевал мне в детстве:

— Я глазею на все, что случалось с Землей,
И на все, что могло бы случиться.

И отец исчез. Мир пошел волнами, стрелки часов снова двинулись вперед. Бармен закончил фразу, птицы разлетелись по гнездам, телевизор продолжил тошнотворную рекламу «Смеющихся бургеров», и мотоциклист таки с глухим стуком ляпнулся о дороге.

Все вернулось на круги своя. Никто, кроме меня, не видел, как папа пришел и ушел.

Я заказала крабовый сэндвич и принялась рассеянно его жевать. «Мокко», казалось, сто лет не остынет. Посетителей было немного. Стэнфорд, хозяин кафе, мыл чашки. Я отложила газету ради телевизора — на экране появилась заставка «ЖАБ-ньюс».

«ЖАБ-ньюс» была крупнейшей из новостных сетей Европы. Управляла ею корпорация «Голиаф», и при круглосуточном вещании она передавала такие последние новости, что национальным службам новостей оставалось только обливаться слезами от зависти. «Голиаф» гарантировал финансирование, стабильность — и несколько подозрительный душок. Никому не нравилось, что корпорация мертвой хваткой вцепилась в глотку нации, и камней в огород «ЖАБ-ньюс» летело предостаточно, несмотря на постоянные опровержения компании-учредителя.

— Перед вами «ЖАБ-ньюс»! — прогремел голос телезавывалы, перекрывая головокружительную музыку. — ЖАБ предлагает вам всемирные новости, самые последние новости и — прямо СЕЙЧАС!

В круге света возникла дикторша, улыбаясь в камеру.

— Сегодня понедельник, шестое мая тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, полдень. С обзором новостей вас знакомит Александра Белфридж. Крымский полуостров, — объявила она, — на этой неделе снова оказался в центре внимания. Последняя резолюция ООН настаивает на том, чтобы Англия и правительство Российской империи начали переговоры о суверенитете полуострова. Поскольку Крымская война тянется уже сто тридцать первый год, общественное мнение в стране и за рубежом все сильнее давит на обе стороны, требуя мира и прекращения вражды.

Я закрыла глаза и неслышно застонала. Свой патристический долг я там уже выполнила в семьдесят третьем и видела, что такое война на самом деле, без фанфар и славы. Жара, холод, страх и смерть. Дикторша продолжала говорить, в ее голосе прорезались ура-патристические нотки.

— Когда английские войска вытеснили русских с их последнего плацдарма на полуострове в 1975 году, это казалось нам величайшей победой над превосходящими силами. Однако с тех пор и до наших дней ситуация оставалась тупиковой, и на прошлой неделе сэр Гордон Липови-Ролекс выразил общее настроение нации на антивоенном митинге на Трафальгарской площади.

Пошла видеоврезка о большой и в основном мирной демонстрации в центре Лондона. Липови-Ролекс стоял на возвышении и держал речь перед лохматым гнездом микрофонов.

— То, что было начато под предлогом обуздания российской экспансии в 1854 году, — вещал член парламента, — за долгие годы превратилось всего лишь в жалкие усилия по поддержке национальной гордости...